

№ 2.

Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ

нашего времени.

1. Мое предвидѣніе.
2. Послѣднія времена.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1917.

Удобнѣе для читателя и меня, если „Апокалипсисъ нашего времени“ я переведу въ форму журнала,—однако не предполагая его издавать долго. Ограничиваясь пока мыслью дать всего *десять номеровъ*, я прошу желающихъ подписаться на него выслать подписную сумму, **3 руб. 50 коп.**, по адресу: *Сергѣевъ посадъ, Московской губерніи, Красюковка полевая улица, д. свящ. Бѣляева, В. В. Розанову*. Пересылку по почтѣ принимаетъ на себя авторъ издатель. Имя, фамилія и точный адресъ подписчика должны быть написаны чѣтко.

Мое предвидѣніе.

Я прочелъ въ „Новомъ Времени“, въ передовой статьѣ, что „съ Германіею Россія можетъ заключить миръ *зотъ сейчасъ*, если уступить ей Курляндію и Лифляндію съ Риггою, и еще нѣкоторыя части отечественной территоріи. Думаю, что это изъ тѣхъ опасныхъ иллюзій, за которыя мы вообще уже столько поплатились. Не будемъ даже вспоминать слова Бисмарка, что „побѣжденному побѣдитель оставляетъ только глаза, чтобы было чѣмъ плакать“. Это совсѣмъ не нужно, т. е. припоминаній о Бисмаркѣ. Но нельзя представить себѣ, чтобы Германія, потерявъ во всякомъ случаѣ нѣсколько милліоновъ не населенія вообще, а той отборной части населенія, которую образуетъ армія, удовлетворилась крошечною территоріею съ такимъ-же числомъ только населенія. Нельзя вообще представить себѣ, чтобы Германія подыала войну такой страшной опасности и риска, такой невѣроятной тяжести, ради разчета на такое смѣхотворное приобрѣтеніе. Несомнѣнно, она только успокаиваетъ насъ иллю-

зіей мира; и почти это входитъ въ составъ ея жестокости. Какъ это нужно и для побалованья и духовнаго обмана глупыхъ россійскихъ социалистовъ. Какъ послѣдній аргументъ своей мысли, я беру то, что для Германіи,—оставь она цѣлою Россію и, такъ сказать, способною къ выздоровленію,—она, конечно, еще никогда не увидитъ ее столь беззащитною, съ арміею, которая просто кидаетъ оружіе и уходитъ домой. И воображать, что Германія не разработаетъ этотъ исключительный, этотъ невѣроятный случай, никогда ей и не мечтавшійся, со всеѣмъ богатствомъ возможностей, со всеѣмъ обиліемъ плода,—это просто показываетъ, что мы совершенные дѣти въ политикѣ.

Я имѣю самыя печальныя предчувствія. Я думаю, она разработаетъ дѣло въ смыслѣ уже бывшаго факта, такого же: именно—какъ было некогда *завоеваніе Англійи норманами*. И Вильгельмъ, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, съ заключеніемъ на о-въ св. Елены, манится гораздо болѣе удачнымъ жребіемъ второго Вильгельма Завоевателя. Конечно,—послѣ Петрограда онъ двинется на Москву, на Волгу, и завоюетъ имен-

но Великороссію, какъ центръ „Всея Руси“, послѣ чего захватить и Малороссію съ Новороссіей,—причемъ ему и вознаградить союзника будетъ изъ чего. Мы вообще стоимъ передъ фактомъ завоеванія Россіи, покоренія Россіи,—къ чему *препятствій видѣ нѣтъ*. А такое отсутствіе препятствій къ покоренію Россіи конечно никогда на протяженіи всей германской исторіи не повторится. И это не трудно предвидѣть, предсказать; и это въ Берлинѣ предвидится также хорошо, какъ—если бы были позорче люди въ Петроградѣ — можно было бы предвидѣть и въ Петроградѣ.

Защита Англии и Франціи? Это такъ далеко. Не десантъ-же имъ дѣлать. Да и Германія теперь десанта уже не пропуститъ. Это вполне въ ея власти, при владѣніи проливами около Эзеля и Даго. Да, освободивъ часть арміи изъ Россіи, она представитъ такую угрозу и самой Франціи и Англии, съ какою имъ справиться будетъ чрезвычайно трудно. А, во всякомъ случаѣ, черезъ самое небольшое число лѣтъ, обогатившись всѣми средствами Россіи, и, между прочимъ, пользуясь и ея людскимъ матерьяломъ (вотъ у нѣмцевъ рус-

скіе солдаты и бывше социалисты пойдуть въ сраженія!), Германія несомнѣнно расправится и съ Франціею, и съ Англіею, и съ Италіею. И моя почти шутливая игра воображенія въ „Итальянскихъ впечатлѣній“. — „Возможный гегемонъ Европы“ (отдѣльная глава) — осуществится. Уже тогда было что-то такое въ Берлинѣ, что-то носилось въ самомъ воздухѣ, почему чувствовалось это. Да и пѣсенка: „Deutschland, Deutschland — über alles“, можетъ быть была не столько реально-глупою, сколько вывѣренно-пророчественною, сколько жаднымъ аппетитомъ. Германскій волкъ золь и толсть. И нашей бѣдной Россіи, стоящей передъ нимъ такимъ пушистымъ ягненкомъ, онъ не пощадить. А ягненокъ совершенно беззащитенъ.

Хороши-же социалисты и вообще всероссійская демократія: скормить, все отечество скормить, лютейшему врагу. Скормить не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Но нельзя не сказать: хороши и „лучшіе люди Россіи“, начинавшіе революцію въ такую роковую войну, и, какъ оказалось потомъ, ничего рѣшительно не предвидѣвшіе. Ленинъ и социалисты оттого и мужественны, что зна-

ють, что ихъ некому будетъ судить, что судьи будутъ отсутствовать, такъ-какъ они будутъ съѣдены. (Октябрь).

Послѣднія времена.

Не довольно-ли писать о нашей воюющей Революціи,—и о прогнившемъ насквозь Царствѣ,—которыя во-истину стоятъ другъ друга. И—вернуться къ временамъ стройнымъ, къ временамъ отвѣтственнымъ, къ временамъ страшнымъ...

Вотъ—Апокалипсисъ... Тайственная книга, отъ которой обжигается языкъ, когда читаешь ее, не умѣетъ сердце дышать... умираетъ весь составъ человѣческій, умираетъ и вновь воскресаетъ... Онъ открываетъ съ первыхъ же строкъ *судомъ надъ церквами Христовыми*,—гѣми, которыя были въ Малой Азій, въ Лаодикии, въ Смирнѣ, въ Фіатирѣ, въ Пергамѣ и другихъ городахъ. Но, очевидно, не Лаодики, не Пергамъ, и проч., лежація нынѣ въ руинахъ, на самомъ дѣлѣ имѣють значеніе для „послѣднихъ временъ“, какіе имѣль въ виду писатель странной книги. Но онъ разсмотрѣлъ посаженное Христомъ дерево,

и уловить съ неизвѣстною для себя и для времени глубиною, что оно—не Дерево жизни; и предрекъ его судьбу въ то самое время, въ которое церкви только-что зарождались.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Апокалипсисъ—не христіанская книга, а—противо-христіанская. Что „Христосъ“ упоминаемый—хотя немного—въ немъ, „съ мечомъ, исходящимъ изъ усть его“, и съ ногами „какъ изъ камня сардиса и халкедона“,—ничего-же не имѣетъ общаго съ повѣствуемымъ въ Евангеліяхъ Христомъ. Въ устроеніи Неба—ничего-же общаго съ какими-бы то ни было представленіями христіанскими. Вообще—„все новое“... Тайнозритель Самъ, волею своею и вспомошествоющею ему Божіею волею,—срываетъ звѣзды, уничтожаетъ землю, все наполняетъ развалинами, все разрушаетъ: разрушаетъ—христіанство, страннымъ образомъ „плачущее и вопиющее“, безсильное и никѣмъ не вспомошествоваемое. И—сотворяетъ новое, какъ *утѣшеніе*, какъ „утертая слезы“ и „облеченіе въ бѣлыя одежды“ Сотворяетъ радость жизни, на землѣ,—*именно на землѣ*,—превосходящую какую-бы то ни было радость, изжитую въ исторіи и испытанную человѣчествомъ.

Бели-же окинуть всю вообще компановку Апокалипсиса, и спросить себя:—„да въ чемъ же дѣло, какая тайна суда надъ церквами, откуда гнѣвъ, ярость, прямо рѣвъ Апокалипсиса“ (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы какъ разъ уткнемся въ наши времена: да—въ *безсиліи* христіанства устроить жизнь человѣческую,—дать „земную жизнь“, именно—земную, тяжелую, скорбную. Что и выразилось къ нашей минутѣ,—именно къ нашей, теперешней... въ которую „Христось не провозитъ хлѣба, а—железныя дороги“, выразился уже мы цинично и грубо. Христіанство вдругъ всё позабыли, въ одинъ моментъ,—мужики, солдаты,—потому-что оно *не вспомянулось*; что оно не предупредило ни войны, ни безхлѣбницы. И только все поетъ, и только все поетъ. Какъ пѣвничка. „Слушали мы васъ, слушали. И перестали слушать“.

Ужась, о которомъ еще не догадываются, больше, чѣмъ онъ есть: что не грудь человѣческая сгноила христіанство, а что христіанство сгноило грудь человѣческую. Вотъ рѣвъ Апокалипсиса. Безъ этого не было-бы „земли новой“ и „неба новаго“. Безъ этого не было-бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсисъ требуетъ, зоветь и велить новую религію. Вотъ его суть. Но что-же такое, что случилось?

Ужасно апокалипсично („сокровенно“), ужасно странно: что люди, народы, человѣчество—*переживаютъ апокалипсическій кризисъ*. Но что само христіанство кризиса не переживаетъ. Это до того очевидно, до того читается въ самомъ Апокалипсисѣ, вотъ „въ самыхъ этихъ его строкахъ“, что поразительно, какимъ образомъ ни единый изъ читателей и безчисленныхъ толкователей, этого совершенно не замѣтили. Народы „поютъ новую пѣснь“, утѣшаются, облачаются въ бѣлую одежду и ходятъ „къ древу жизни“, на „источники воды“. Куда ни папы, ни прежніе священники вовсе ни кого не водили.

Блудницы вопіютъ. Первосвященники плачутъ. Цари стонутъ. Народы извиваются въ мукахъ: но—*остатокъ отъ народа* спасается и получаетъ величайшее утѣшеніе, въ которомъ, однако, ни одной черты христіанскаго,—христіанскаго и церковнаго,—уже не сохраняется.

Но что-же, что-же это такое? почему Тайнозритель такъ очевидно и неоспоримо говорить, что *человѣчество переживаетъ* „свое хри-

стіанство“ и *будетъ еще долго послѣ него жить*: судя по изображенію, ничѣмъ не оканчивающемуся,—безконечно долго, „вѣчно“.

Проведемъ параллели:

Евангеліе—рисуетъ

Апокалипсисъ—ворочаетъ массаи,
глыбами, творить.

Въ образахъ, которые силою превосходятъ евангельскія картины, а красотою не уступаютъ имъ, и которые пронзительны, кричатъ и вопіютъ къ небу и землѣ, онъ говоритъ, что еще не перешедшія за городки Малой Азии церковки,—первыя общины христіанскія,—распространятся во всей Вселенной, по всему міру, по всей землѣ. И въ моментъ, когда настанетъ полное и казалось-бы окончательное торжество христіанства, когда „Евангеліе будетъ проповѣдано всей твари“,—оно падетъ сразу и все, со своими царствами, „съ царями помогавшими ему“, и—„восплачутъ его первосвященники“. И что среди полного крушенія настанетъ совершенно „все новое“, при „падающихъ звѣздахъ“ и „небѣ, свившемся какъ свитокъ“. „Перестанетъ небо“, „перестанетъ земля“, и станетъ „все новое“, ни на что прежнее *не похожее*. Сказать это

за 2.000 лѣтъ, предречь съ нѣкоторыми до буквальности теперь сбывающимися исполненіями, перенесаясь черезъ всю христіанскую исторію, какъ-бы пронзя „рогомъ“ такую толщину времени и необъятность событій,—это до того странно, невѣроятно, что никакое изъ рѣченій человѣческихъ по-истинѣ не идетъ въ сравненіе. Апокалипсисъ—это событіе. Апокалипсисъ—это не слово. Что-то похоже на то, что Вселенная изрыгнула его сейчасъ послѣ того, какъ другой Учитель тоже Вселенной проговорилъ свои вѣщія и грозныя слова, тоже въ первый разъ произнеся „судъ міру сему“.

И вотъ—два суда: изъ Іерусалима о самомъ этомъ Іерусалимѣ, главнымъ образомъ—объ Іерусалимѣ; и съ острова Патмоса—надъ Вселенною, которую научилъ тотъ Учитель.

Нѣтъ-ли разницы въ самой компановкѣ словъ? И, хоть это очень странно спрашивать о такихъ событіяхъ-словахъ: нѣтъ-ли чего *показующаго для души въ стиль литературнаго изложенія?*

Евангеліе — человѣческая исторія, намъ разсказанная; исторія Бога и человѣка; „богочеловѣчскій процессъ“ и „союзъ“.

Апокалипсисъ какъ-бы кидаетъ этотъ „богочеловѣческій союзъ“—какъ негодное,—какъ изношенную вещь.

Но фундаментъ? фундаментъ? Но—почему? почему?

Въ образахъ до такой степени чрезмѣрныхъ, что даже Книга Юва кажется около него безспіемъ и изнеможеніемъ, что даже „сотвореніе міра и человѣка“ въ Книгѣ Бытія—тоже тускло и слабо, блѣдно и безкровно, онъ именно въ структурѣ могущества и показываетъ суть свою. Онъ какъ-бы реветъ „въ концѣ временъ“, для „конца временъ“, для „послѣдняго срока человѣчества“:

Безспіе.

Конецъ міра и человѣчества будетъ таковъ, потому-что Евангеліе есть книга изнеможеній.

Потому-что есть:

мочь

и—не мочь.

И что Христосъ пострадалъ и умеръ за **не мочь...** хотя-бы и былъ въ полной и абсолютной истинѣ.

Христіанство—неистинно; но оно—не мочно.

И образъ Христа, начертанный въ Евангеліяхъ,—вотъ именно такъ, какъ тамъ сказано,

со всею подробностью, съ чудесами и прочее, съ явленіями и т. под., не являетъ ничего, однако, кромѣ *немогши, изнеможенія*...

Апокалипсисъ какъ-бы спрашиваетъ: да, Христось могъ описывать „красоту полевыхъ лиліи“, призвать слушать себя „Марію сестру Лазаря“; но Христось не посадилъ дерева, не выростилъ изъ себя травки: и вообще онъ „безъ зерна міра“, безъ—*ядеръ*, безъ—*шкры*; не травянистъ, не животень; въ сущности—не бытіе, а—почти призракъ и тѣнь; какимъ-то чудомъ пронесшаяся поземль. Тѣнистость, тѣнность, пустынность Его, небытіе—сущность Его. Какъ будто это—только Имя, „рассказъ“. И что „послѣднія времена“ потому и покажутся такъ страшны, покажутся до того невѣроятно-ужасны, такъ воіюще „голодны“, а сами люди превратятся въ какихъ-то „скорпіоновъ, жалящихъ самихъ себя и одинъ другого“, что вообще-то—„ничего не было“, и сами люди—точно съ отощавшими отвислыми животами, и у которыхъ можно ребра сосчитать,—обратились таинственнымъ образомъ въ „тѣней чловѣка“, въ „призраки чловѣка“, до извѣстной степени—въ чловѣка „лишь по имени“.

О, о, о...

Вотъ, вотъ, вотъ...

Не узнаемъ-ли мы *себя* здѣсь? И какъ тогда не ревѣтъ Апокалипсису, и не наполнять Престоль Небесный—животными, почти—животами, брюхами—все самыхъ мощныхъ животныхъ, тоже—ревущихъ, кричащихъ, вопіющихъ—льва, быка, орла, дѣвы. Все—полѣтъ, все—сила. Почему-бы не колибри и не „лиліи полевая“? Маленькая птичка—хороша какъ и большая, а „лиліи“ не хуже баобаба. И вдругъ Апокалипсисъ орѣтъ:

— Больше мяса...

— Больше вопля...

— Больше рева...

— Міръ отоцалъ, онъ боленъ.... Таинственная Тѣнь навела на міръ хворь...

— Міръ—умолкаетъ...

— Міръ—безжизненъ...

— Скорѣе, скорѣе, пока еще не поздно...

Пока еще послѣднія минуты длятся. „Поворотъ всего назадъ“, „новое небо“, „новыя звѣзды“.

Обиліе „водъ жизни“, „Древо жизни“...

Солнце загорѣлось раньше христіанства. И солнце не потухнетъ если христіанство и кончится. Вотъ—ограниченіе христіанства, противъ котораго ни „объедин“, ни „панхида“ не помогутъ. И еще объ объединяхъ: ихъ много служили, но человѣку не стало легче.

Христіанство не космологично, „на немъ трава не растетъ“. И скотъ отъ него не множится, не плодится. А безъ скота и травы человѣкъ не проживетъ. Значитъ „при всей красотѣ христіанства“—человѣкъ всетаки „съ нимъ однимъ не проживетъ“. Хорошъ монастырекъ, „въ немъ полное христіанство“; а всетаки *питается онъ около сосѣдней деревеньки*. И „безъ деревеньки“ всѣ монахи перемерли-бы съ голоду. Это надо принять во вниманіе, и обратить вниманіе на ту вполнѣ „апокалиптическую мысль“, что *само въ себѣ и одно*—христіанство проваливается, „не есть“, гнило, голодаетъ, жаждетъ. Что „питается“ оно — *не христіанствомъ*, не христіанскими злаками, не христіанскими произрастаніями. Что, такимъ образомъ,—христіанство само и одно, чистое и самое восторженное, зоветъ, требуетъ, алчетъ—„и *не христіанства*“.

Это—поразительно, но такъ. Хороша была

бесѣда Спасителя къ пяти тысячамъ народа. Но пришелъ вечеръ и народъ возжаждалъ: — „Учитель, *хлѣба*!“

Христось далъ хлѣба. Одно изъ величайшихъ чудесъ. Не сомнѣваемся въ немъ. О, нисколько, ни мало, ни іоточки. Но скажемъ: каково-же солнце, которое неизрѣченнымъ тьмамъ народа даетъ хлѣбъ,—даетъ какъ „по службѣ“, по „должности“, почти „по пенсіи“. Даетъ и **можетъ** дать. Даетъ и значить **хочетъ** дать?

У солнца—воля и... **хотѣніе**?

Но... тогда „вааль-солнце“? вааль-солнце—финикіянъ?

И тогда „поклонимся Ему“? Ему и его великой—**мощи**?

— Это-то уже несомнѣнно. Ему и его великому, *благородному человеколюбивому хотѣнію*?...??? Это-же невѣроятно. Но что „солнце больше можетъ, чѣмъ Христось“—это самъ папа не оспорить. А что солнце больше Христа желаетъ счастья человѣчеству—объ этомъ еще сомнѣваемся, но уже ничего не могъ-бы возразить Владиміръ Соловьевъ, изучавшій все „бого-человѣчскій процессъ“ и строившій „ветхозавѣтную теургію“ и „ветхозавѣтное домостроительство“ (или „теократію“).

Мы же беремъ прямо Финнію:

„Ты — ходилъ въ Саду Божіемъ... Сіяль среди игристыхъ огней“... „Ты былъ первенецъ Мой, первенецъ отъ созданія міра“,—говоритъ Іезекіиль или Ісаія, — кто-то изъ ветхозавѣтныхъ,—говоритъ городу, въ которомъ поклонились Ваалу и ни мало ни Іеговѣ.

Ну, кто-же не видитъ изъ моихъ тусклыхъ словъ, что „богочеловѣческой процессъ воплощенія Христа“ потрясается. Онъ потрясается въ буряхъ, онъ потрясается въ молніяхъ... Онъ потрясается въ „голодовкахъ человѣчества“, которыя настали, настаютъ нынѣ... Въ вопіянiяхъ народныхъ. „Мы вопіяли Христу и Онъ не помогъ“. „Онъ—немогъ“. „Помолимся Солнцу: оно больше можетъ. Оно кормитъ не 5.000, а тьмы темъ народа. Мы только не взирали на Него. Мы только не догадывались.

— „Христось—мяса!“

— „На ребра, въ брюхо, дѣтямъ нашимъ и намъ!“

Христось молчитъ. Не правда-ли? Такъ не Тѣнь-ли онъ? Таинственная Тѣнь, наведшая отощаніе на всю землю.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

Российская
Государственная
Библиотека

ИНВ. МКН-37041